

С. А. СЕМЯЧКО-ЯКУНИНА

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» и древнерусский свадебный обряд

От традиционных повестей об основании монастырей «Повесть о Тверском Отроче монастыре» отличает рассказ о женитьбе князя Ярослава Ярославича, собственно, являющийся предысторией основания монастыря. В одной из первых и одной из главных работ, посвященных Повести, — статье В. Ф. Ржиги — этот рассказ был прочно связан с фольклорной традицией, а именно с традицией свадебных лирических песен. Исследователь отметил: «Этот эпизод с соколом, ведущим князя к браку и радующимся венчанию, вплетен в ткань мотива охоты несомненно под влиянием не книжного источника. Он явно навеян устнопоэтической свадебной символикой, в которой сокол является излюбленным символом жениха, невеста же мыслится в образе лебеди, а смысл свадебного обряда символизируется погоней сокола за лебедиными стадами и успешным преследованием одной лебедушки».¹ В подтверждение своей мысли исследователь привел пример такой свадебной песни.²

М. О. Скрипиль, комментируя «Повесть о Тверском Отроче монастыре» в издании 1954 г., указывал на связь ее не только со свадебной лирикой, но и с самим обрядом. Правда, он привел лишь один пример: «Когда Григорий приезжает в насаде по Волге к селу Единонову, он долгое время ожидает на берегу реки обещанных ему князем коней, чтобы свадебным поездом ехать к своей невесте, как и полагалось согласно обряду».³ Указание на связь Повести со свадебным обрядом есть и в комментарии Р. П. Дмитриевой к изданию 1969 г.⁴

Чрезвычайно интересное замечание принадлежит А. М. Панченко. Исследователь показывает, что повествование рассчитано на ошибку читателя (А. М. Панченко называет это «принципом сюжетной непредсказуемости»), и ошибка эта — в толковании свадебных символов. «Сокол — не жених, а сват (семейно-обрядовый фольклор допускает оба толкования). Истинный жених — это князь (в величаниях жениха называют князем, а невесту княгиней)».⁵

Обратимся еще раз к истории женитьбы Ярослава Ярославича и попытаемся более внимательно проследить ее соотношение со свадебным обрядом.

Отметим сразу, что развертывание свадебного обряда в тексте Повести происходит как бы в двух планах. Первый план совершенно очевиден, он должен прочитываться и восприниматься читателем — это сватовство

¹ Р ж и г а В. Ф. Из истории повести // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1928. Вып. 4. С. 105.

² Выводы В. Ф. Ржиги и его пример были воспроизведены В. П. Адриановой-Перетц в ее «Очерках поэтического стиля Древней Руси» (М.; Л., 1947. С. 80—82).

³ Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 420.

⁴ «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 791.

⁵ История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 342.

и предполагаемая женитьба Григория. Когда же оказывается, что настоящий жених не отрок, а князь, становится возможным понять (а точнее, мысленно восстановить) и другой план (женитьба князя), в котором функции действующих лиц несколько иные. Двум планам изображения соответствуют и два уровня восприятия ситуации. Читатель и все герои Повести, за исключением Ксении, воспринимают лишь первый план; восприятие второго плана для читателя возможно лишь ретроспективно, после того как ситуация окончательно проясняется и Ксения выходит замуж за князя. Изначально восприятие второго плана возможно лишь для Ксении (и, естественно, для автора Повести, поскольку он выстраивает этот второй план).

Обратимся к тексту Повести.⁶

Отрок Григорий оказывается в Единонове, в доме церковного причетника, видит Ксению и решает на ней жениться. Началом свадебного обряда, довольно протяженного по времени, можно считать приезд сватов в дом невесты и разговор их с родителями девушки. В Краткой редакции Повести мы читаем об отроке: «Наутрие воставше и со отцем тоя девицы на слове положивше и по обычаю целовашеся, дело отложиша до времени». Если мы обратимся к различным сочинениям XVII в., описывающим свадебный обряд,⁷ то заметим некоторое несоответствие. Вот что говорит об этом Адам Олеарий (он побывал в России в 1634—1639 гг.): «Молодым людям и девицам не разрешается самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку. Напротив, родители, имеющие взрослых детей и желающие побракать их, — в большинстве случаев отцы девиц — идут к тем, кто, по их мнению, более всего подходит к их детям, говорят или с ними самими, или же с родителями и друзьями и выказывают свое расположение, пожелание и мнение по поводу брака их детей».⁸ Примерно о том же пишет и Григорий Котошихин (его сочинение относится к 1666 г.), но указывает, что сватовство исходит от родителей жениха и ведется через сватов.⁹ Итак, главное заключается в том, что жених не мог сам выбирать себе невесту и сам осуществлять сватовство. Это несоответствие в тексте Повести обнаруживается только в первом, наиболее очевидном плане, и оно вызвано отнюдь не тем, что для автора неважны требования обряда. Напротив, он то и дело ссылается на обряд, на традицию: «яко же есть обычай брачным», «яко же подобает». Дело в том, что одновременно совершаются два обряда: тот, где отрок выступает в качестве жениха, и тот, где жених — князь, а отрок — сват; второй обряд, до времени скрытый от читателя, ни в чем не нарушается.

Сцена сватовства отрока в Распространенной редакции изложена так: «Случися же наедине со отцем ея Афанасием, начат ему глаголати, да вдаст

⁶ Текст Повести дошел до нас в двух редакциях — Краткой, более близкой к первоначальному тексту, и Распространенной. Рассматриваемые в данной работе эпизоды присутствуют в обеих редакциях, и описание их практически совпадает. Значительное расхождение одно — в сцене сватовства отрока. Этот фрагмент будет рассмотрен в обеих редакциях, все остальные эпизоды цитируются по более совершенной в художественном отношении Распространенной редакции. Текст Краткой редакции Повести приводится по довольно позднему (40-е гг. XIX в.), но единственно полному списку: ГПБ, Q.1.637, текст Распространенной — по списку середины XVIII в. — БАН, собр. Лукьянова, № 12, — опубликованному нами в кн.: ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 112—120.

⁷ По мере возможности мы привлекаем источники XVII в., но в силу того, что свадебный обряд довольно консервативен, в некоторых случаях мы используем материалы и другого времени (XVI—XX вв.), особенно, если они связаны с Тверской губернией.

⁸ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 211. Здесь и далее в цитатах из сочинений русских авторов и иностранцев «ъ» заменен на «е», конечный «ъ» опущен, добавлены некоторые необходимые знаки препинания.

⁹ См.: К о т о ш и х и н Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 149.

за него дочь свою и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем: „Да како у такового великаго князя имать предстояти всегда пред лицом его, и тако ли вещает мне о сем?“ И не ведяше, что ему отвещати противу словес его. Шед убо Афанасий, вопросы о сем жены своея и дщери, сказа им подробну; дщерь же его, исполненна духа святаго, возглагола отцу своему сице: „Отче мой! Сотвори ему вся сия, елика он тебе обещася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу, и сие да будет“.

< . . > Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отцу ея, да не устрашается: „Аз бо ти во всем имаюся и князя умолю во всем, ты же не бойся“. И тако совещастанся во всем, и быти в том селе браку, и венчатися в церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и жити ту, даже великий князь повелит».

Эта сцена имеет некоторые соответствия с описанием сватовства у Г. Котошихина — так, мы находим у него указание на предварительный (перед тем, как дать ответ жениху) совет отца невесты с другими родственниками: «А лучитца которому боярину и ближнему человеку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замуж: и они меж себя, кто сведав у кого невесту, посылают к отцу тое невесты, или к матери, или к брату, говорити друзей своих мужеск пол или женской. . . И тот человек, будет хочет дочь свою, или иного кого, выдать замуж, на те речи скажет ответ, что он девицу свою выдать замуж рад, толко подумает о том з женою своею и с сродичами, а подумав, учинит им отповедь, которого дни мочно. . .».¹⁰

Особенность Распространенной редакции Повести в том, что Афанасий советуется с дочерью, а это для древнерусского свадебного обряда не характерно (исследователи неоднократно отмечали пассивность и бесправие невесты¹¹). В данном случае этот совет с дочерью вызван не требованиями свадебного обряда, а трактовкой образа Ксении в этой редакции — ведь именно в ней появляется эпитет «богомудрая» и всевозможные обоснования мудрости героини.

Главная героиня Повести наделена даром предвидения, и в силу этого дара она знает, что выйдет замуж не за отрока: «Отроковица же после его рече отцу своему и матери: „Господие мои! Не дивитесь о сем, что вам обещахся сей отрок, он бо тако совеща, но Бог свое строит: не сей бо мне будет супруг, но той, его же Бог мне подаст“». Почему же Григорию не отказывают?

В данном случае интересно свидетельство священника А. Ушакова (г. Старица Тверской губ.), правда относящееся к более позднему времени: «После смотрин посылают в дом невесты спросить: желают ли принять сватов? Ответ получается обыкновенно утвердительный. Каков бы не был жених, хотя бы и из „низкого дому“, но его все-таки принимают: „худой жених хорошему дороге укажет“. Отказывают принять сватов только в том случае, когда девицу выдавать замуж в этот мясоед вовсе не рассчитывают».¹² Для Ксении Григорий и оказывается таким «худым женихом», который «указывает дорогу хорошему» — князю. Причем в Повести ситуация усложнена — принимаются не только сваты, но и само сватовство, что, как мы покажем далее, вызвано развертыванием свадебного обряда во втором плане

Вернемся к тому, что жених не участвует в сватовстве. Более того, он не должен видеть невесту до дня свадьбы. Это всегда удивляло иностранцев, и, описывая русский свадебный обряд, все они непременно останавливались на этом, странном для них требовании. Приведем примеры: «Же-

¹⁰ Там же. С. 149.

¹¹ См., например: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 157.

¹² Ушаков А. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии: (Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни). Старица, 1903. С. 11—12.

ниму (хотя он никогда не видал прежде своей невесты) не позволяют видеть ее все время, пока продолжается сватовство, в котором действующим лицом не он сам, а мать его, или какая другая пожилая его родственница, или знакомая» (Д. Флетчер, побывавший в России в 1588—1589 гг.).¹³ О том же пишет и Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию дважды — в 1517 и 1526 гг.: «В этот промежуток времени жениха до такой степени отстраняют от дома невесты, что если он случайно попросит хоть увидеть ее, то родители обычно отвечают ему: „Узнай от других, кто ее знает, какова она“. Во всяком случае, доступ к невесте предоставляется ему не иначе, как если обручение не будет раньше подтверждено величайшими карами, так что жених, если бы даже он пожелал, не мог бы отказаться от нее под тяжким наказанием».¹⁴ В сочинениях XVII в. мы также постоянно встречаем указание на то, что жених невесты не видит, а осматривает ее специальная «смотрилщица»; чаще всего в этой роли выступает мать или другая близкая родственница жениха. А. Олеарий свидетельствует: «Если. . . пожелают увидеть дочь, то в этом не бывает отказа, особенно если девица красива; мать или приятельница жениха получает позволение посмотреть на нее. . . Обыкновенно все сколько-нибудь знатные люди воспитывают дочерей своих в закрытых покоях, скрывают их от людей, и жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой. Поэтому много обманывают и вместо красивой невесты дают ему безобразную и больную, иногда же вместо дочери какую-либо подругу ее или даже служанку»¹⁵ (Олеарий, вероятно, хочет сказать, что смотрилщице показывают вместо безобразной невесты ее красивую подругу или служанку). Вторит иностранцу и русский автор: «Благодаразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всем свете нигде такого на девки обманства нет, яко в Московском государстве. А такого у них обычая не повелось, как в иных государствах, смотрити и уговариватися временем с невестою самому».¹⁶ Тот же Котошихин подробно описывает осмотр невесты: «И сидячи за столом, за обедом, та смотрилщица с тою невестою переговаривает о всяких делах, изведываючи ее разуму и речи, и высматривает в лицо, и в очи, и в приметы, чтоб сказать, приехав к жениху, какова она есть. . .».¹⁷

Заметим, что в Повести настоящий жених также не видит невесты до свадьбы, а в роли «смотрилщицы» невольно оказывается сам отрок, который и рассказывает князю об избраннице, «красоту и возраст девицы оныя изъясляет» (в некоторых других списках: «красоту, и возраст, и разум»). Это важно отметить, потому что, как уже было указано, настоящий обряд происходит во втором, скрытом от читателя, плане и совершается он по всем правилам.

Вернемся к тексту Повести. Получив согласие отца Ксении, Григорий возвращается в Тверь и просит у князя позволения жениться. Заметим, что пока речь идет о ж е л а н и и отрока жениться, князь не соглашается и долго отговаривает его, но сразу же дает позволение после того, как Григорий «все исповеда великому князю, обещание свое, яко же тамо обещаеся». Выше уже приводилось высказывание С. Герберштейна о том, что

¹³ Ф л е т ч е р Д. О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1905. С. 112.

¹⁴ Г е р б е р ш т е й н С. Записки о Московитских делах / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 71.

¹⁵ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию. . . С. 211. Ср. с наблюдением Иоанна Георга Корба: «У них нет обыкновения, чтобы муштина, ищущий руки девицы, виделся или говорил с нею, а они сватаются при содействии матери или другой какой старухи» (К о р б И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906. С. 246).

¹⁶ К о т о ш и х и н Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 157.

¹⁷ Там же. С. 150.

жениху практически невозможно было отказаться от невесты, после того как уже произошел сговор; это же отмечает и Г. Котошихин.¹⁸

Итак, отрок готовится ехать к невесте: «Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть, яко же ему годно и потребно, и насад изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему тамо готовы быть имеют, елико годно будет на послужение отроку, когда приспееет время обручению и венчанию его, и отпускает его в насаде по Волге реке, бе бо то село близ Волги стояй, а кони ему обещаваает прислати за ним вскорости по берегу».

Отметим в этом фрагменте два положения. Во-первых, князь отпускает с отроком достаточное количество людей. Как известно, «свита» жениха должна включать множество «чинов», необходимых для участия в обряде.¹⁹ И, во-вторых, обещает прислать коней. Кони совершенно необходимы для этого обряда. Современный исследователь пишет: «Передвижение мужчин верхом, а женщин в санях (зимой и летом) совершается независимо от расстояний, даже если дома родителей жениха и невесты находятся по соседству и оба — близко от церкви. Флетчер с удивлением отмечал, что все не идут, а едут, „хотя бы церковь находилась подле самого дома и сами они были простого звания“».²⁰ Забегая вперед, заметим, что отрок нарушает это требование обряда: он отправляется к невесте, так и не дождавшись коней. Мы еще остановимся на этом чрезвычайно остром моменте повествования, когда отрок уже сознательно нарушает требования обряда, а автор как бы намекает читателю, что этот обряд несовершенен и потому он не будет исполнен. Отметим попутно, что настоящий жених, князь, явится к невесте, как того требует обряд, на конях. Автор мысленно как бы сопоставляет два плана изображения, и если отрок-жених уже не в первый раз нарушает правила обряда, то в скрытом до некоторого времени от читателя плане, где в качестве жениха выступает князь, требования обряда соблюдаются в точности.²¹

Рассказав об отъезде отрока, автор Повести обращается к эпизоду, который в первую очередь и привлекал внимание ученых, исследовавших проблему связи Повести с фольклором, — это сон князя.

«Наутрие же великий князь повеле готовить себе коня и всему своему сигклиту,²² яко же угодно великому князю, соколы и псы, да, едучи, ловы

¹⁸ Там же. С. 150—151. Чтобы наглядно продемонстрировать обязательства, которые брал на себя жених, приведем пример записи (Костромская губ., 1663 г.), даваемой при сговоре: «Се аз, Максим Романович Жабин, сговорился я жениться у Семена Ивановича Волкова на дочери, на девице Марье Семеновне. А жениться мне, Максиму, на срок нынешняго 171 года июля в 29 день против тридесятого числа. А буде я, Максим, у него, Семена Ивановича, на дочери ево, на девице на Марье, на тот срок не женюсь, и на мне, Максиме, ему, Семену Ивановичу Волкову, взять по сей записи пятьсот рублей серебряных денег. А у записи сидели посаду Нерехты соборныя церкви Бориса и Глеба священник, отец ево, Семена Ивановича Волкова, духовной, Василий Матфеев да Никольской дьякон Иаков Дементьянов, а запись писал Нерехотской съезжей избы подъячей Костька Бобров, лета 7171, июля в 22 день» (ГПБ, собр. Титова, № 4008, л. 181).

¹⁹ Подробно о составе «свиты» жениха и невесты см.: Богословский С. П. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. Пермь, 1926.

²⁰ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 18; см. также: Флетчер Д. О государстве Русском. . . С. 113. Об этом же пишет и И. Г. Корб: «Даже люди низкого звания едут, а не идут, хотя бы церковь и отстояла от них очень близко» (Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. . . С. 247).

²¹ Важность требований обряда в данном эпизоде автор Повести подчеркивает тем, что заставляет самого отрока заботиться о соблюдении свадебного обычая: «Той же отрок, егда приде в насаде по реке, и приста у берега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачныи». Драматизм ситуации и заключается в том, что отрок, стремящийся к соблюдению обряда, сам же его и нарушает.

²² Заметим, что, с одной стороны, кони и «сигклит» вызваны самой ситуацией (соколиная охота происходила на конях, и князя охотились не в одиночку), но, с другой стороны, впоследствии окажется, что это кони, требуемые свадебным обрядом, а «сигклит» станет свадебной «свитой» князя.

деет; в ту бо ночь великий князь сон видел, якобы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поймал голубицу, красотою зело сияющую, паче злата, и принесе ему в недра; и возбнув князь от сна своего и много размышляше в себе, да что сие будет, и не поведасна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, иде же отрок, ловы деюще, тешася».

В. Ф. Ржига, комментируя сон князя, привел песню, которая, по его мнению, раскрывала символику Повести. Обратимся к песне, аналогичной приведенной В. Ф. Ржигой (но записанной в Тверской губ.), чтобы показать, что подобные тексты недостаточны для объяснения сна Ярослава.

Как летал, летал сокол, ладу, ладу,
Сокол ясный летал, ладу, ладу,
Искал стало лебедей, ладу, ладу,
Он нашел, нашел сокол, ладу, ладу,
Нашел стало лебедей, ладу, ладу.
Всех лебедок пропустил, ладу, ладу,
Однѣ остановил, ладу, ладу.
Как взмолилася лебедка, ладу, ладу:
— Ты пусти меня, сокол, ладу, ладу,
Сокол ясный,пусти! Ладу, ладу.
— Я тогда тебя пуцу, ладу, ладу,
Когда кровь твою пролью, ладу, ладу,
Крылья, перья ощилю, ладу, ладу,
Как ходил, гулял Иван, ладу, ладу,
Иванович разгуливал, ладу, ладу,

По нову городу, ладу, ладу,
Искал девушек толпу, ладу, ладу,
Он нашел, нашел толпу, ладу, ладу,
Всех девиц он пропустил, ладу, ладу,
Однѣ остановил, ладу, ладу.
Начала просить Анна, ладу, ладу,
Васильевна упрашивать: ладу, ладу.)
— Ты пусти меня, Иван, ладу, ладу,
Иванович,пусти! Ладу, ладу.
Я тогда тебя пуцу, ладу, ладу,
Когда в церковь тя сведу, ладу, ладу,
Вокруг налоя обведу, ладу, ладу,
Своей женой назову, ладу, ладу.
Тогда девушки не примут, ладу, ладу,
Скажут: «Прочь, отойди!». Ладу, ладу.²³

Эта песня дает параллель лишь к одному эпизоду сна Ярослава: сокол из стада птиц выбирает одну; но исход этой ситуации в Повести принципиально иной, нежели в песне. Сокол песни ловит лебедушку для себя, песня раскрывает символ однозначно: сокол — жених. В Повести все совершенно иначе: сокол приносит голубицу «в недра» князю, сокол ручной, т. е. сокол — сват или вообще тот, кто приводит жениха к невесте. Среди всех прочих значений образа сокола²⁴ русскому фольклору известно и это. Так, в роли сватов явно выступают соколы, летающие за утицей:

— Ах вы, соколы, соколы!
Вы далеко ли лѣтали?
— Уж мы лѣтали, лѣтали,
С моря на море лѣтали.
— Ах, и что же там видели?
— Уж мы видели, видели
Серую утицу на море.
— Ах, вы что же ее не взяли?
— Уж мы взять ее не взяли,
Крылья перья повышибли,
Горячую кровь пролили.

— Уж вы, соколы-молодцы,
Ах, и где же вы ездили?
— Уж мы ездили, ездили,
С города на город ездили.
— Ах, и что же там видели?
— Уж мы видели девицу.
— Ах, и что ж ее не взяли?
— Уж мы взять ее не взяли,
По рукам мы ударили,
Зелено вино роспили,
Горючи слезы пролили.²⁵

²³ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. С. 190—191.

²⁴ Соколом мог быть назван едва ли не любой участник свадьбы (гость или свадебный «чив») мужского пола и даже какое-то отсутствующее или вовсе несуществующее лицо, например:

Отчего ты, сватьяшка, бела-бела?
У ней братья соколы, соколы.
По синему морю леталл, летали,
Белил, румян кушили, купили,
Свою сестру белили, белили.

Ушаков А.
Крестьянская свадьба. . . С. 41.

См. также: Лирика русского свадебья / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973. С. 188—189 (№ 387), 190—191 (№ 392) и др. О значении сокола в восточнославянском фольклоре см.: Бернштам Т. А. Ориентоморфная символика у восточных славян // Сов. этнография. 1982. № 1. С. 30—31.

²⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского. С. 190 (песня записана в Тверской губ.).

Встретился текст, где соколы — это дружка с подружием, едущие в дом невесты сообщить о приближении жениха (т. е. лица, предваряющие появление жениха). На вопрос «От кого вы приехали?» дружка жениха отвечает:

От вашего сватушки нареченного
 Присланы скорыми послами,
 Ясными соколами,
 Но мы не ясные соколы,
 А мы добрые молодцы.
 Крылья не имеем,
 Летать не умеем.
 Мы приехали на добром коне,
 На хозяйском животе.²⁶

Интересно, что в фольклорных текстах зафиксирован не только образ свата-сокола, но и образ жениха — князя, охотящегося с соколами:

Наш молодой князь
 Стоит в чистом поле,
 Под белым шатром,
 Спотешается ясным соколом.²⁷
 У нашего князя пять сот²⁸ пехоты:
 Князья, бояре, купцы, дворяне,
 Тысячные головы,
 Широкия бороды;
 Вы их почитайте,
 В почетныя места сажайте

За столы дубовы,
 За скатерти бранныя,
 За ества медвяныя!
 Еще, сватушко любезный,
 Сколько тебе ни воевать —
 Супротив нашего молодого князя
 не устоять!
 А лучше покоритесь:
 Авось наш молодой князь и помилует.²⁹

В следующем эпизоде Повести также находит отражение свадебный обряд.

«Той же отрок, егда прииде в насаде по реке, и приста у брега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным.

Девица же присланным рече: „Возвестите отроку, даже помедлеет тамо, дондеже сама весть пришлю к нему, как вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было“. Вестницы же его, пришедше, поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. . .».

В «Чине свадебном» XVI в. читаем: «А как дружка женихов приедет. . . И говорит: „тысецкой имярек велел говорити: «Жених имярек готов ехать к месту““. И тесть говорит: „Как будет время, пришьлем друшку, и он поедет““.»³⁰ Дружка возвращается к жениху.

В данном случае следует обратить внимание не только на то, что появление жениха в доме невесты, по требованию обряда, должно пред-

²⁶ Ушаков А. Крестьянская свадьба. . . С. 57. Отрицание «мы не ясные соколы, а мы добрые молодцы» не отменяет сопоставления вестников приближения жениха с соколами. В данном случае отрицательный параллелизм только подчеркивает это сравнение.

²⁷ «Спотешается ясным соколом» означает «охотится с соколом» — традиционно наименование соколиной охоты «потехой»; ср. в Повести: «Яко уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешит ся и замедлил тамо. . .».

²⁸ В кн.: «пятьсот».

²⁹ Андронников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10—20 августа. Тверь, 1906. Отд. III и V. С. 63—64. Приведенный текст представляет собой приговор дружки родне невесты.

³⁰ ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 180. Этот же момент обряда со ссылкой на тот же «Чин свадебный» рассматривает в своем исследовании М. Г. Рабинович (Свадьба в русском городе в XVI в. С. 17). М. Г. Рабинович называет источник «Домостроем», В. В. Колесов публикует «Чин свадебный» как самостоятельный текст, лишь сопровождающий обычно списки «Домостроя» (см. об этом: ПЛДР: Середина XVI века. С. 586).

варяться появлением вестников,³¹ но и на непонятность речи невесты. С самого начала Повести бросается в глаза то, что Ксения нигде не называет имени своего жениха, хотя сама его знает: «Не сей бо мне будет супруг, но той, его же Бог мне подаст»; «А имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше; сродницы же ея велми дивляхуся, а того жениха ея не ведаху, но токмо она едина» и т. д. Таинственность речи героини безусловно создает особую напряженность повествования и играет важную роль в организации сюжета,³² и тем более интересно, что это также находит свое отражение в древнем свадебном обряде. Е. Г. Кагаров выделяет внутри свадебного действия обряды, направленные на то, чтобы ввести в заблуждение злых духов. Среди этих обрядов — иносказания, околичности, неназывание по имени жениха и невесты.³³ Вполне возможно, что неясность речей героини, способствующая созданию наибольшей остроты в развитии сюжета Повести, имеет своим источником это свойство свадебного обряда.

Автор Повести стремится продемонстрировать одновременность действий своих героев, и поэтому он попеременно показывает то одного, то другого. Повествование складывается из отдельных картин. Так, сообщив о том, как приняли посланцев Григория в доме Ксении и что сказала Ксения своим родителям,³⁴ автор вновь обращается к Ярославу: «Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти наутрие или на другой день и да видит своего отрока оженившагося. . .». Здесь, собственно, и раскрывается символическое значение сна Ярослава. Совершенно очевидно, что отрок — это и есть сокол, который добывает князю голубицу-невесту. Решение князя побывать в Едимонове не зависит от того, как сложится его охота. Но несмотря на это в Повести появляется дублет

³¹ Этот эпизод обряда зафиксирован и в Тверской губ. А. Ушаков сообщает: «Не досезая до деревни невесты, поезд жениха останавливается в поле. К дому невесты послами от жениха отправляются дружка с подружием». (Ушаков А. Крестьянская свадьба. . . С. 56).

³² Не только Ксения, но и Григорий некоторое время соблюдает тайну («. . . и не поведа мысли своея никому от друзей своих. . .»). «. . . и не поведа сего никому», но это тайна совсем другого рода, тайна «бытовая» (отрок ничего никому не сообщает до разговора с князем), и на развитие сюжета она практически никакого влияния не оказывает. Такое же объяснение можно дать и поведению князя, который долгое время никому не рассказывает о своем сне.

³³ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8. С. 153—170.

³⁴ Отметим, что эти слова Ксении несколько различаются в обеих редакциях. И в данном случае сложно сказать, какое чтение первично.

К р а т к а я

Яко уже все мои приехали, а жених мой не бывал еще, но уже бо замедлил баше и в поле тешитя, и тако пождем его, дондеже приедет.

Р а с п р о с т р а н е н н а я

Яко уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешитя и замедлил тамо, но пождем его немногое время, даже приедет к нам.

Эти слова Ксении в Распространенной редакции включаются в игру смыслов (сват-жених), которую мы наблюдаем в тексте Повести: вспомним, что несколько позже героиня скажет отроку: «Он (т. е. князь, — С. С.). . . жених мой, а ты был сват мой». Вполне возможно, что в Краткой редакции мы имеем дело с порчей текста, но не менее вероятно и то, что эта редакция передает первоначальное чтение, которое в свадебном обряде соотносится с моментом перед выбором «чинов» в доме невесты. «Отец невесты спрашивает:

— Все ли гости съехались,
Все ли гости собрались?

Ему отвечают:

— Все».

(происходит своеобразное усиление): наряду с соколом-Григорием, который должен привлечь князя в Едимоново, существует и реальный сокол, который улетел от Ярослава во время охоты, прилетел в Едимоново и сел на церковь; князь в погоне за своим любимым соколом также оказался в Едимонове. Мы сейчас не будем касаться того, как соединяются в Повести мотив свадебного и мотив строительного сокола (сокол, который потерялся во время охоты и в результате привел к постройке храма или монастыря), отметим только, что в Повести мы имеем дело преимущественно с мотивом свадебного сокола, хотя он и испытывает некоторое влияние со стороны мотива сокола строительного.³⁵

Прежде чем описать охоту Ярослава, автор обращается к действиям отрока и Ксении.

«Отрок же той, не дождавсь вести ни коней, помысли в себе: „Яко аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратиться всясть, аз же своего желаннаго не получил“. И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше по скору вся строити и дары разносити.³⁶

Девица же рече отроку: „Не вели спешити ничем, да еще у меня будет гость незванной, но лучше всех и званных гостей“.

В приведенном отрывке два плана развертывания свадебного обряда постепенно сближаются. Интересно, что герои существуют в разных планах, потому и темп их действий не совпадает: с точки зрения Ксении (и с точки зрения автора, хотя отношение автора к происходящему скрыто), отрок постоянно торопится. Фактически Григорий и Ксения участвуют в двух разных обрядах. Эти два плана совмещаются в кульминационной точке Повести — в сцене появления князя в доме Ксении.

«Людие же, видевше князя, не знаяху его, мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его никто же.

Девица же рече всем ту сидящим: „Востаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха“, — они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в хранину, иде же бяху отрок и девица сидяще, всем же воставшим и поклоншимся великому князю, им же не ведущим пришествия его и прощения просящим, князь же повеле им сести, да видит жениха и невесту.

Девица же в то время рече отроку: „Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой“.

Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну, и аки был лучам от лица ея сияющим, и рече великий князь отроку своему Григорию: „Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту, иде же хоцещи, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе“, — возгореся бо сердцем и смятеся мыслю.

Отрок же из места изыде повелением его».

Посмотрим, как соотносится этот фрагмент со свадебным обрядом.

«Встречает поезд жениха один только невестин дружка, а все остальные участники торжества сидят и в это время в „хоромах“. Эту встречу священник благословляет крестом.

³⁵ Оставаясь в рамках рассмотрения мотива свадебного сокола, отметим одно интересное совпадение. В повести Вашингтона Ирвинга «Роза Альгамбры» — произведении начала XIX в., основанном на какой-то испанской легенде, разворачивается такой сюжет: любимый паж королевы идет гулять с любимым кречетом королевы; во время прогулки кречет улетает и садится на башню; в башне живет юная красавица, на которой паж и женится, преодолев некоторые препятствия, вызванные неравным социальным и имущественным положением героев.

³⁶ Вероятно, имеется в виду «разнесение даров», которое происходит во время расчесывания, перед тем как отправиться в церковь. «В это время дружка режет большой каравай и сыры. . . Блюдо с „крайчиками“ и ширинками он подносит от имени невесты жениху, затем тысяцкому, теще и далее всем присутствующим. Каждый должен получить „укрух“ (кусок) каравая, „глыбку“ сыра и ширинку» (Р а б и н о в и ч М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. С. 20).

Войдя в хоромы, жених и тысяцкий кланяются на четыре стороны, а дружка жениха в это время „сымает“ с места сидящего рядом с невестой отрока, приговаривая: „Аргамак тебе в Орде, а золотые в Угре“.³⁷

Этот эпизод изложен М. Г. Рабиновичем по «Чину свадебному» XVI в.,³⁸ а вот как он выглядит в украинском обряде XVIII в.

«Жених стоял посреди горницы, пока его дружка вел переговоры со строптивым мальчиком:

— Зачем ты здесь сидишь?

— Я берегу сестру мой.

— Она не твоя, но наша (Выделено мной, — С. С.).

— А ежели она ваша, то заплатите мне за корм, что я на не употребил. . .».³⁹

В некоторых случаях у отрока выкупают место рядом с невестой, иногда его просто прогоняют.⁴⁰ Свидетельством того, что древний свадебный обряд Тверской губернии включал в себя сцену с «отроком», является наличие ее в обряде начала XX в.⁴¹

Отметим, что Григорий не уходит после слов Ксении; решающими для него стали слова князя.⁴² И это не случайно. Дело в том, что согласно требованиям обряда согнать «отрока», занявшего женихово место, может только сам жених или его дружка. Автор Повести заставляет отрока вести себя так, как требуется по обряду для свадебного «отрока». Ведь когда проясняется второй план Повести, Григорий и оказывается не более, чем свадебным «отроком». Теперь становится ясным, для чего автору было нужно, чтобы Ксения приняла сватовство Григория, зная, что не выйдет за него замуж: отрок должен был сыграть в свадебном обряде и соответственно в сюжете Повести роль ложного жениха.

Итак, отрок оказывается одним из свадебных «чинов». Кто же такие князь и княгиня.⁴³ Как уже отмечалось ранее, А. М. Панченко сопоставил князя и княгиню Повести с князем и княгиней свадебных величаний, но подобные наименования жениха и невесты фигурировали не только

³⁷ Там же. С. 18.

³⁸ См.: ПЛДР: Середина XVI в. С. 182—184.

³⁹ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. С. 19.

⁴⁰ Обряд «сымания отрока» имел место и во время царских свадеб XVII в. Так, в рукописи, описывающей женитьбу царя Михаила Федоровича на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, говорится: «А пришед в Грановитую палату. . . царевну посадили на ее место на зголове. . . а на царя и великаго князя место посадили князя Якова Кудеяновича Черкасского. . .» и далее: «И как царь впел в Грановитую палату, и протопоп говорил „Достоин есть“ и благословил государя крестом, и поклонився государь образам, шел ко своему месту, и государев дружка большой боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский поднял с места князь Якова Черкасского» (Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5, при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною из рода Стрешневых / Изд. П. Бекетов. М., 1810. С. 46 и 54). В росписи «чинов» на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марьею Ильиничной Милославской есть указание, что «на месте государеве сидел князь Иван князь Алексеев сын Воротынской» (Описание первой свадьбы. . . царя. . . Алексея Михайловича. . . / Выписал из повсядневных Дворповых записок второй части. . . Иоанн Терново-Орловский. 2-е изд. М., 1797. С. 5.), который, судя по всему, и был сыгняемым «отроком». О «сымании отрока» см. также: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа. . . С. 164—166.

⁴¹ См.: Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л., 1985. С. 209. (№ 967, 968).

⁴² Интересно, что в большинстве позднейших переработок Повести первым прогоняет отрока князь, отрок обращается к невесте и удаляется лишь после ее слов. Об этих переработках см: Якунина С. А. Переработки XVIII—XX вв. «Повести о Тверском Отроке монастыре» // Литература Древней Руси: Источниковедение (Сборник научных трудов). Л., 1988. С. 290—330. К названным в статье произведениям на сюжет Повести следует лишь добавить текст, указанный мне Ю. Д. Левиным: Третьяков Н. Отрочь монастырь: Тверское предание XIII столетия // Сын Отечества. 1842. № 5, отд. 3. С. 1—16.

⁴³ После венчания Ксения везде называется княгиней.

в величиях, но и на протяжении всего свадебного обряда.⁴⁴ «В день своей свадьбы любой простолюдин становился князем — и Домострой не именует его иначе, как „молодой князь“, а невесту — „молодая княгиня“. Этой княжеской чете полагался целый штат придворных, среди которых выделялись „чины“». ⁴⁵ Среди различных чинов выделялись «бояре» и «боярыни». ⁴⁶ Бояре и боярыни фигурируют и в Повести: «Наутрие же великий князь того отрока вспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему» («боляр» в данном случае — люди, которые были с князем в Единонове, т. е. участвовали в свадебном поезде); «И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим да берегут великую княгню его и покланяются ей и слушают во всем» (т. е. опять же это люди из «свиты» жениха, хотя в данном случае и ложного, которые потом образуют свиту «княгини»-невесты; отметим, что одна из функций свадебных «бояр» — оберегать жениха и невесту) ⁴⁷; «Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з болярынями, и своим дворовым, и всему граду, да выдут на встречу великия княгини и з женами своими» (и в данном случае «боляр» и «боярыни» — это люди, участвующие в свадебном обряде, во встрече новобрачной в доме ее мужа). Заметим, что нигде в Повести Григорий не называется боярином (что сплошь и рядом встречается в позднейших переработках XIX—XX вв.), хотя по своему происхождению и социальному положению он скорее всего должен быть таковым. Совершенно очевидно, что роль героев в сюжете Повести тесно связана с ролью соответствующих персонажей свадебного обряда.

Повесть строится как развернутое этимологическое толкование, весь рассказ имеет своей целью объяснение названия монастыря. В понимании автора Повести «Отрочь» означает «основанный отроком». То, что притяжательное прилагательное «отрочь» основано от существительного «отрок», достаточно очевидно, но кто такой этот отрок? ⁴⁸ Думаю, что само слово

⁴⁴ Свод различных толкований наименования жениха князем, а невесты княгиней приводит Н. Ф. Сумцов (см.: Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 205). Предлагаем одно такое толкование: «Свадебные обряды изображали вступление жениха в иную жизнь и представляли как бы торжественное возведение их в новое достоинство. Они имели подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому-то жених носил название князя, а невеста княгини» (Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа . . . С. 161). А. Е. Г. Кагаров относил величание жениха и невесты князем и княгиней к числу обрядов, долженствующих защитить молодую пару от влияния злых сил, см.: Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. С. 162.

⁴⁵ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. С. 14; см. также свидетельство Д. Флетчера: «В день свадьбы и во все время празднеств жениха величают молодым князем, а невесту молодою княгинею» (Флетчер Д. О государстве руском. . . С. 114).

⁴⁶ «Бояре (бояра) — свита, товарищи, спутники жениха. . .» (Богословский С. П. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. С. 13; автор приводит ряд примеров использования этого термина в свадебных обрядах различных местностей Тверской губ.). Боярыни — см.: там же. С. 40.

⁴⁷ См.: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа. С. 162; Богословский С. П. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. С. 13—14.

⁴⁸ Существует несколько этимологий названия монастыря.

1) «Отрочь» — «основанный отроком» (см., например: Краткое описание состояния Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 года. Тверь 1847. С. 49; Памятная книжка Тверской губернии за 1863 год. Тверь, 1863. С. 73; Матвеев В. Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878. С. 5—6; Овсянников Н. Н. Тверь в XVII веке: Исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь, 1889. С. 80—81; Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 257). Эта этимология имеет своим источником «Повесть о Тверском Отроче монастыре».

«отрок» навело автора Повести на мысль о свадебном «отроке». Сцена «сымания отрока» в свадебном обряде обладает большими возможностями для ее разработки, она заключает в себе две коллизии. Во-первых, это момент обмана — ведь «отрок» играет в свадебном обряде роль ложного жениха. Во-вторых, это момент социального неравенства двух женихов — ложного и настоящего. Ведь по свадебной терминологии настоящий жених — князь, т. е. самое главное лицо в иерархической системе свадебного обряда. Не мог автор Повести не знать и других значений слов «князь» (глава княжества) и «отрок» (член младшей княжеской дружины). Вкладывая в рассматриваемые слова эту семантику, мы также будем иметь дело с фактом социально иерархических отношений. Сцена «сымания отрока» в свадебном обряде довольно абстрактна, перед нами вообще князь и вообще отрок, т. е. просто молодой человек, юноша. Переводя сценический эпизод свадебного обряда в сферу повествовательной литературы, автор Повести придает этому эпизоду большую конкретность. В Повести действует не просто свадебный князь, а именно глава княжества; не просто свадебный отрок, а отрок — член княжеской дружины, служащий князю, находящийся у него в непосредственном подчинении. Цель Повести — не только толкование названия монастыря, но и его прославление, возвеличение. И потому автор делает следующий шаг: прикрепляет персонажей своей Повести, выведенных из персонажей свадебного обряда, к конкретным историческим фигурам.⁴⁹ Таким образом, история монастыря не только вводится в определенные хронологические рамки, но и связывается с историей княжества.

Важно подчеркнуть, что в данном случае взаимоотношения обряда и повествовательного текста не сводятся к изображению обряда в этом тексте. В качестве примера такого изображения обряда можно назвать найденную С. К. Росовецким «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на

2) «Отрочъ» — от отроков, помещавшихся в детинце, находившемся ранее на месте монастыря (См.: С о к о л о в А. Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской. Тверь, 1864. С. 26; Б о р з а к о в с к и й В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 82; Отрочъ монастырь в г. Твери. Тверь, 1894. С. 86). Эта этимология скорее всего имеет своим источником какую-то местную легенду.

3) Монастырь назывался «Отрочъ», так как он был посвящен культу «трех отроков». Это посвящение могло забыться, а название осталось (см.: М а к а р о в а Т. И., Н и к о л а е в а Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // Сов. археология. 1976. № 4. С. 109—110). Думаю, что название Отроча монастыря монастырем Трех Отроков, сохранившееся на одном из планов Твери XVIII в. (см.: К о м а р о в Б. Чертеж города Твери до перепланировки XVIII века // Архитектурное наследство. 1956. № 6. С. 150—155), является поздней этимологией.

4) Наиболее вероятно кажется этимологическое толкование, предложенное В. Ф. Ржигой: «Отрочъ» — мужской в противоположность «девичью» — женскому (Р ж и г а В. Ф. Из истории повести. С. 98—99).

Интересно, что в 27 верстах от г. Твери, вниз по Волге, на ее правом берегу находилось село Отроковичи, название которого имеет также несколько толкований. Автор статьи об этом селе (Тверские епархиальные ведомости. 1884. № 10. Неоф. часть. С. 304—312), во-первых, отмечает, что «ходит предание, будто в Отроковичах был некогда монастырь во имя трех отроков» (с. 305; ср. с толкованием, предложенным Т. И. Макаровой и Т. В. Николаевой), а во-вторых, высказывает свое предположение: «Не жили ли здесь прежде отроки великокняжеские, особенно когда великие князья тверские отправлялись на птичью или звериную охоту? В письменных же документах есть же указание, что великий князь Ярослав охотился около села Единовова, которое в недалеком расстоянии от Отрокович, и отбил невесту у одного из отроков своих, построившего Отрочъ монастырь. Множество лесу на другой стороне Волги, почти против Отрокович начинающегося и идущего на дальнейшее расстояние не только в Тверской и Бежецкий уезды, но и в Новгородскую губернию, делает очень вероятным это предположение наше» (там же).

⁴⁹ Фигуры эти были взяты из Жития и Службы св. Михаила Ярославича Тверского и летописи. О возможном использовании летописи автором Повести писала еще Р. П. Дмитриева (см.: Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 211).

Марии Темрюковне».⁵⁰ В этом случае между обрядом и текстом можно условно поставить знак равенства. В тексте мы найдем почти все элементы обряда в их традиционном порядке. Особое внимание уделено внешней стороне обряда: подробно описаны наряды участников свадебного действия,⁵¹ дары невесты, ее свадебный поезд. Ничего этого в Повести о Тверском Отроче монастыре мы не найдем. Костюмы героев интересуют автора лишь в той мере, в какой они связаны с развитием интриги: так, упоминается «дорожное» платье князя, чтобы до времени скрыть роль этого героя во всем происходящем и подчеркнуть неожиданность его появления в качестве жениха; смена наряда отроком также имеет важное сюжетное значение как знак резкой перемены судьбы.

Сравнение двух этих повестей показывает, насколько своеобразна роль свадебного обряда в формировании сюжета «Повести о Тверском Отроче монастыре». Если в «Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» взаимоотношение обряда и повествовательного текста однозначно (текст описывает обряд и не более того), то в «Повести о Тверском Отроче монастыре» все гораздо сложнее. С одной стороны, Повесть изображает отдельные моменты обряда, но автор ее не задерживается на описании деталей и подробностей, а в каждом описываемом моменте как бы сталкивает два плана изображения, сравнивая в каждом случае поведение двух женихов, истинного и мнимого, — т. е. обряд изображается постольку, поскольку это необходимо для развития сюжета. С другой стороны, один из эпизодов свадебного обряда, а именно «сымание отрока», дает сюжетную основу для повествования. Повесть не описывает сцену «сымания отрока» в том виде, в каком она существует в обряде, а на ее основе создает самостоятельное повествование, связь которого с этой сценой обнаруживается лишь в результате глубокого сравнительного анализа. Эта сюжетная схема, извлеченная из сцены «сымания отрока», определяет и характер поведения героев, и отбор тех элементов свадебного обряда, которые находят свое место в повествовании. По отношению к «Повести о Тверском Отроче монастыре» между обрядом и повествовательным текстом знака равенства поставить нельзя — повествовательный текст в данном случае значительно шире обряда.

Подводя итоги, можно сказать, что «Повесть о Тверском Отроче монастыре», созданная в традиции повестей об основании монастырей, в той своей части, которая выходит за рамки этой традиции (в рассказе о женитьбе князя Ярослава Ярославича), имеет своим источником свадебный обряд, а это в значительной мере опровергает мнение В. Ф. Ржиги, возводившего «почти все мотивы повести к агиографическим источникам».⁵²

Такое своеобразное использование автором Повести свадебного обряда, равно как и некоторые другие черты этого произведения, о которых речь пойдет в дальнейшем, позволяют охарактеризовать этот текст как результат индивидуального писательского творчества и усомниться в существовании до Повести какой-то местной легенды о женитьбе князя.⁵³

⁵⁰ Р о с о в е ц к и й С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность; Искусство; Археология. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 27—37. По мнению публикатора, повесть была создана в последние десятилетия XVII в. предположительно в Поволжье.

⁵¹ Наряды участников свадебного обряда играют в нем далеко не последнюю роль. Это видно хотя бы по тому, как подробно описываются костюмы действующих лиц в «Чине свадебном» XVI в., см.: ПЛДР: Середина XVI в. С. 176, 178, 180 и др.

⁵² Р ж и г а В. Ф. Из истории повести. С. 109.

⁵³ Легенда, приведенная Н. Н. Овсянниковым (Тверь в XVII веке. С. 82—83), явно более позднего происхождения и вторична по отношению к Повести.